
Колозариди П. В., Тесля А. А. «Как большой проект социология закрыта» : беседа с Александром Филипповым о каноне в социологии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 6, № 2. — С. 17–38.

Полина Колозариди, Андрей Тесля*

«КАК БОЛЬШОЙ ПРОЕКТ СОЦИОЛОГИЯ ЗАКРЫТА»**

ВСЕДА С АЛЕКСАНДРОМ ФИЛИППОВЫМ О КАНОНЕ В СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-17-38.

Это интервью с Александром Фридриховичем Филипповым, д. с. н. и профессором НИУ ВШЭ (Москва), состоялось в апреле этого года.

Основным поводом для разговора стало то, что Александр Фридрихович в своих работах и раньше обращался к теме классики в социальной теории, поэтому мы предложили немного сместить фокус: поговорить о каноне, и начали с социологии, а перешли к социальным наукам и двойственности социологического канона. Беседа касается общих вопросов дисциплины, а также того, что происходит с ней сейчас и как изучение канона позволяет это понять и изменить.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КАНОН И ДОСТОИНСТВО, КОТОРОЕ НЕ ИСЧЕЗАЕТ

Полина Колозариди: Понятия классики и канона находятся в сложных отношениях между собой. О том, что касается классических дисциплин — того, что проходят в классах, — многое уже сказано, в том числе в Ваших текстах¹.

С каноном все не так. И мы с Андреем [Теслей] по-разному видим это «не так». Я развожу канон и классику. Когда мы говорим не о дисциплинах, а об областях знания, особенно о междисциплинарных областях,

*Тесля Андрей Александрович, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград), mestr81@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2437-5002; Колозариди Полина Владимировна, исследователь и преподавательница, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); Клуб любителей интернета и общества (Москва), poli.kolozaridi@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5213-0235.

**© Колозариди, П.; Тесля, А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полегаева. — М. : Новое литературное обозрение, 2009.

о классике говорить сложно: нет классов, в которых формируется общее знание. [Слово] «канон» тут подходит больше, но его привычнее воспринимать как понятие из искусства, оно отсылает к существованию правил и канонических фигур².

Но в одном мы сходимся. И канон, и классика оказываются проблемными, когда мы пытаемся обратиться к основаниям наук. Я имею в виду и философские основания, и те, которые считаются внутринаучными, и те, которые оказываются за границами наук. Мы бы хотели поговорить про основания и социально-политическую сторону канона в социальных науках.

Андрей Тесля: Да. В данном случае мы несколько расходимся, потому что говорить об индивидуальном каноне (что для тебя выступает каноном) — это осмысленное суждение. Говорить «моя классика» — очевидная бессмыслица. Здесь выстраивание канона мне представляется интересным и важным как выстраивание текстов, которые обладают автономией. И поскольку они выступают как канонические тексты, то они способны вторично проблематизировать то, что успело стать «беспроблемным». Тут мы уже перекликаемся с Полиной в исходном вопросе: в обращении к основаниям, обосновании и проблематизации. Вернусь к аналогии с литературным каноном. Насколько возможно перестроить канон? Насколько попытка сознательно его модифицировать означает разрушение?

Александр Филиппов: Спасибо за интересное введение. Ваши постановки вопроса — результат длительных размышлений, в т. ч. над соотношением классики и канона. Мой ответ — не результат столь же длительных размышлений. Это ответ в каком-то смысле моментальный. Я размышлял над проблемой классики и, хотя и использовал слово «канон» и говорил о том, как складывался канон в теоретической социологии, но я так, как вы, не проблематизировал.

Сначала я скажу несколько слов о классике. Я много раз об этом писал, и я обычно, когда продолжаю читать хоть как-то соотносящиеся с классической социологией лекции, повторяю этот аргумент. Здесь он тоже будет частью нашего общего разговора. Для меня классики науки — это не просто значительные фигуры, на которые впоследствии во многом ориентируются другие теоретики или система образования, без которых трудно себе представить учебники. Для меня классики — это

²См.: Колозарди П., Тесля А. От выпускающих редакторов // *Философия* : Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 6, № 1. — С. 9–11.

те, кто внес решающий вклад в обособление той или иной дисциплины, в обособление науки, представление ее как науки, которая занимается отдельным от других наук делом.

Тот аргумент, который я попытаюсь сейчас представить, присутствует по существу только у Дюркгейма, но в той или иной форме в социологии классиками для меня являются те, кто предложил «объяснять социальное через социальное». Мне казалось раньше и кажется сейчас, что это сопоставление довольно важно. Если это биология, то мы занимаемся биологией. Классическая биология — это не то же, что современная биология. Современная биология представляет собой такую дисциплину, для которой ключевую роль играют биохимия и биофизика. Понять, где кончается исследование химических реакций и начинается исследование, собственно, живого, неспециалисту — сложно, а специалист уже сто лет назад сказал бы, что попытки обособить живое от неживого — безнадежная архаика. Я довольно хорошо знаю, например, как Людвиг фон Берталанфи опровергал учение об энтелехии Ханса Дриша и доказывал, что процессы, которые Дриш считал спецификой живого, могут быть описаны в более общих терминах. Так появилась общая теория систем, но исчезла старая философская биология. Не вступая, надеюсь, в спор с биологами, я поясню это кратко.

Иначе говоря, вы можете сделать срез живой ткани или разделить, как делал Дриш, зародышевую клетку после двух-трех делений на отдельные живые клетки. Но это все — живое. А вот опуститься на уровень ниже нельзя, там уже «химия». В психологии открытие законов (законов ассоциации, законов, которыми направляется или описывается душевная жизнь человека) или стремление к этому — это классическая психология. Сейчас историки науки могут с этим не согласиться, но я вижу параллельные процессы, важны они, а не то, признают ли биологи и психологи классикой то, что мне кажется классическим.

В социологии то же самое. Как я люблю говорить, происходит прерывание каузальных рядов. Общество — это часть природы, но если вы попытаетесь объяснить поведение человека природными факторами, то вы — не социолог, а кто-то другой. Все эти ранние социологи с их детерминизмами (географическим, климатическим, расовым, психологическим) — все, кто предлагает найти в области социального продолжение того, что находится за пределами социального, — это не классическая социология. Это не социология. С моей точки зрения, социологи, которые создают классику, — это те, кто вносит свой вклад в обоснование автономии своего предмета. «Социальное объясняется социальным» —

это и у Вебера, и у Дюркгейма, и у Зиммеля, и у Тенниса, и, конечно, впоследствии у Парсонса.

Эта сторона дела могла бы долго обсуждаться, но вопрос у нас ведь не о классике, а о каноне. Вторая ступень, благодаря которой я ближе подхожу к предмету ваших вопросов и сегодняшнего разговора: как произошла «канонизация» классиков? Один социолог, впоследствии обернувшийся женщиной, Рейвин Коннелл написал(а) в ранний период статью «Почему классическая социология является классической?»³. Она начинается с правильной постановки вопроса: для классиков социологии ни они сами не были классиками, ни для кого они не были классиками. Социология была, но классики у нее были совершенно другие. И должно было что-то произойти. Что? Должен был появиться классический канон или канон отношения к определенной группе авторов как к классикам. Хотя прямо в такой формуле эта задача не ставилась, но фактически ее решал и решил Парсонс, который написал в 1937 году книгу «Структура социального действия». Парсонс создает не канон социологии, он пишет про теорию действия. И в этот момент (один из ключевых, решающих моментов истории наших наук) нет никакой уверенности в том, что наука о действии — это обязательно социология. Это *также и* социология. У него половина авторов, про которых он пишет, — это экономисты, а вторая половина — это отчасти экономисты.

П. К.: Что их объединяет?

А. Ф.: Парсонс говорит, что есть основополагающая проблема порядка. «Как возможен социальный порядок?» — он это называет гоббсовой проблемой. Если мы предположим вместе с влиятельным в экономической мысли направлением, что начинать размышление или наблюдение нужно с того, что есть некое множество эгоистичных, преследующих собственный интерес индивидов, то это, строго говоря, — неправильная интерпретация. Парсонс ошибался, но это нас не должно волновать.

Поскольку эти индивиды вступают в некоторое взаимодействие, которое должно оказаться войной всех против всех, эта война должна быть как-то преодолена. Решение Гоббса — в том, что она должна быть преодолена политическим образом — через образование государства сувереном, который всех усмиряет, и благодаря этому становятся возможными другие занятия. Это плохая, неправильная интерпретация

³Connell R. W. Why Is Classical Theory Classical? // American Journal of Sociology. — 1997. — No. 6. — P. 1511–1557.

Гоббса, но Парсонс с этого стартует: таков утилитаризм, говорит Парсонс, он потерпел поражение, это все не работает, и мы должны найти другие объяснения. Для этого мы должны построить общую теорию. Для этого мы должны обратиться к тем, кто уже строил общую теорию. Когда мы ищем тех, кто строил общую теорию, если у нас заранее продумана некоторая схема (в русском переводе — «система координат», по-английски — *frame of reference, frame of reference of action*)... Если у нас есть эта схема, то мы можем не просто читать чужие тексты, а мы можем их целенаправленно анализировать так, чтобы показать, как разные авторы между собой перекликаются и, в сущности, говорят об одном и том же.

Он отбирает небольшое количество авторов. Среди этих авторов есть Альфред Маршалл — это просто экономист (знаменитый английский экономист). Дальше — Вильфредо Парето. Мы, социологи, знаем его как автора трактата об общей социологии, а политические философы знают его со своей точки зрения. Но, вообще говоря, Парето — это великий экономист, признанный авторитет своего времени именно в области экономики. Дальше у него Дюркгейм, после — Вебер. Но про Вебера мы тоже хорошо знаем, что, хотя он и классик социологии, он пришел в социологию из экономики и юриспруденции. И он всю жизнь старался внести вклад именно в экономическую науку.

Из всего этого Парсонс складывает некоторую концепцию социального действия, и она через некоторое время оказывается в высшей степени влиятельной, появляются его уже сугубо социологические работы, появляется одна из самых влиятельных (а может, и самая влиятельная в истории человечества, потому что она имела международное воздействие) школа структурного функционализма. На всякий случай замечу, что структурный функционализм складывался и сложился бы и без Парсонса, но именно Парсонс придал ему заверченный вид и канонизировал классиков. Парсонс потом отдавал должное другим авторам, в какой-то момент несправедливо упущенным, выброшенным из его текстов.

В конце прошлого века была сделана героическая попытка: с одной стороны, нужно было заново поставить социологию Парсонса на ее собственные рельсы, доказать, что у нее есть достоинство, которое не исчезает, есть свои классики и великие достижения; с другой стороны, надо было взять реванш за то поражение, которое ей нанесли соперничающие концепции в самый неудачный для его теории момент — в конце 60-х — начале 70-х годов.

Появились книги по теории действия, которые были ориентированы на парсонсовский канон: «Теория действия» Рихарда Мюнха, «Теория коммуникативного действия» Хабермаса (один из самых влиятельных трудов того времени), большая четырехтомная работа Джеффри Александера «Теоретическая логика в социологии». Все они держали в качестве масштаба или ориентира «Структуру социального действия» Парсонса. У кого-то дополнительно к парсонсовским авторам появлялся Маркс, у кого-то — Мид, у кого-то — и Мид, и Маркс, у кого-то появлялся и сам Парсонс, который замыкал эту цепочку.

В течение примерно четверти века (может, и больше) казалось, что социология если и не добилаась дополнительных невероятных успехов, то все-таки осталась и остается наукой со своими классиками. Этих классиков поддерживают теоретики в разных странах, придерживающиеся несходных теоретических и социальных убеждений. Значит, у этой науки есть не только свои классики, но и свой канон.

СТОЛПЫ КАНОНА И ВНЕНАУЧНЫЕ ФАКТОРЫ

Для классического канона надо, чтобы классики совпадали с каноном. Если ты хочешь заниматься теорией, то ты должен исходить не просто из того, что когда-то были созданы классические тексты. Тут мы подходим к совпадению и различению классики и канона. Но есть две важные составляющие канона.

- (1) Образовательный канон. Это значит, что классика объявляется «живой» классикой. Это не просто то, о чем надо знать, но это то, что надо изучать, то, что нас роднит: мы можем друг друга понимать, читая одни и те же тексты и пытаясь разобраться в них.
- (2) Исследовательский канон. Когда вы выходите за пределы образования, вы приходите в область исследования. Здесь вы получаете магистральные указания: именно классиками были заданы основные проблемы, предложены главные объяснительные средства, оставлены нам еще не решенные, но подлежащие решению в рамках этого же самого поля проблемы.

Даже в самые лучшие годы в социологии ориентироваться на классиков получалось не очень хорошо. Была исследовательская рутина. Было нереально продалить и преобразовать эту исследовательскую рутину так, чтобы все, кто занимается научными исследованиями, обязательно и всенепременно принимали в расчет классиков. Большие социологи перестали появляться после кончины Лумана, Валлерстайна, Бека, Бурдье, прекращения творческой деятельности Гидденса, прекращения

деятельности в области социологии Хабермаса и т. д. Сейчас все хорошо знают, что после 44-го года рождения нет ни одного автора, который был бы признан большой социологической величиной.

Исследовательский канон все дальше и дальше уходит от образовательного и делает последний чуть ли не излишним — тем, за что держатся по привычке. Не соблюдая образовательный канон, невозможно держать единство дисциплины. Как только вы теряете всякое ощущение единства дисциплины, становится совершенно непонятно: от имени кого вы говорите? От имени группы товарищей, бойко лепечущих на модном в данный момент жаргоне? Все хорошо, вас все любят и принимают, но уже сзади толпятся другие люди, которые кричат: «Нет, я! Нет, я!» — у них выстраивается своя ретроспектива, свое представление о том, кто был в начале этого процесса, вершиной которого они себя представляют. Они не испытывают никакой нужды ни в общезначимом классическом каноне, ни в вас, стоящих у них на пути.

Если подхватить одну из мыслей Андрея Александровича, канон оказывается подвижным, но в плохом смысле. Если я правильно понял, одна из идей была в том, что мы пытаемся разобраться, что такое канон, и обращаемся к нашему прошлому, пытаемся выяснить исторический контекст возникновения канонических текстов, открываем в них все большее. Но по мере того как происходит это углубление, есть два момента:

- (1) Вопрос о достоинстве и ценности самого исторического исследования внутри заново формирующей себя дисциплины.
- (2) Вопрос о том, что здесь и сейчас в данный момент времени воспринимается как предпосылка «принятия в клуб»: когда вы подаете заявку на грант или статью для публикации, собираетесь выступать на конференции и дискутировать с коллегами. Вы должны ориентироваться на канон или других авторов, цитировать их, брать их постановки вопроса, проблемы, чтобы сойти за своего и получить все то, что получают обычно ученые от науки, кроме никому не нужной истины.

Первая реакция на ваши вопросы — именно такова. Я достаточно надежно уверенно себя чувствую, когда беру такие журналы, как *Journal of Classical Sociology*, — понятно, что здесь неожиданностей не будет. Это не значит, что никто не попытается привлечь внимание в истории к какому-то социологу или аспекту деятельности известного социолога, который раньше выпадал из внимания, или ввести его в состав классиков. Это возможно, но все равно я знаю авторов и идеи, являющиеся

незыблемой системой координат для авторов, редакторов и читателей этого журнала. А если взять основной массив социологических публикаций, то легко заметить, что в большинстве случаев здесь нет обязательной ориентации на классиков, нет классического канона как «живой классики». Вместе с тем для данной группы / течения / времени присутствует определенный набор авторов, которые в высшей степени актуальны. Не ссылаясь на них, ты демонстрируешь свою непричастность к основному течению мировой мысли: ты невежественен, ты говоришь не о том, о чем сейчас говорят, «не носишь то, что сейчас носят».

Никто не канонизирует тех или иных авторов специально, никто не говорит: «Вот они — новые столпы современной науки». Вместе с тем отчетливое давление среды невозможно игнорировать. Это движение как тематическое (что сейчас должно быть проблематизировано), так и персональное, репутационное (кто, как, в каких терминах), и его игнорировать тоже нельзя.

П. К.: Если я правильно поняла, то Вы говорите о том, что ситуация формирования канона и ситуация изменения канона в случае социологии достаточно плотно совпадали около 50 лет. Вот — Парсонс, вот — дополнения Парсонса, вот — уточнения дискуссии. У нас есть одновременно процесс формирования и процесс трансформации. Как? Через базовые в те времена способы отношений, т. е. школы и большие книги. Это та ситуация канона, которая есть в середине XX века: он оформляется и одновременно меняется. Дальше в вашем рассказе появляются новые персонажи, другие ситуации, новые действующие сущности — например журналы.

Здесь у меня вопрос, который дробится на два. Один звучит авторефлексивно для социологии, поскольку ситуация социальна и наука социальна. И тут два вопроса:

- (1) Как Вы видите связь между социальным контекстом формирования и социальным содержанием науки?
- (2) Что с теми приграничными областями, вокруг которых сформировалась автономия социологии? Включаются ли сейчас какие-то из тех несоциологических сюжетов, которые были до? Когда Вы начали рассказывать, то много внимания уделяли экономическим и политическим теориям. Потом они исчезли на 50 лет. А что с ними сейчас?

А. Ф.: В свое время мой интерес к классике сформировался благодаря моему учителю Давыдову. Ситуация была очень благоприятной для этого. Когда я только начал заниматься социологией, у меня была

ориентация на нее совершенно позитивистская. Я себе представлял ее как обычную науку, которая позволяет благодаря наблюдениям обогащать знания. Моя главная идея состояла в том, что надо заниматься прикладной наукой — наблюдать саму социальную реальность и, собирая данные разными хитроумными способами, открывать социальные законы. Постепенно я пришел к ощущению, что имеющийся концептуальный аппарат недостаточен, поэтому требуются более изощренные концепты. Но для меня было очевидно, что новейшие концепции лучше, чем старые. Т. е. старые нужны только для образования: ты обязан знать что-то из истории дисциплины. А новое — это хорошо, новое — это прогресс знаний. Поэтому я занимался Луманом.

Где-то в конце 70-х годов, когда я был еще студентом, с литературой было не очень хорошо, как вы понимаете. Но, как доктор наук, мой отец имел право раз в год покупать литературу на 50\$ через дом ученых или через академию наук. И я его упросил в один из годов (это был 78-й год, если не ошибаюсь) подписаться на самый лучший и знаменитый немецкий социологический журнал (немецкий, потому что по-английски я не читал) «Kölner Zeitschrift für Soziologie». На это ушла вся подписка: он очень дорогой. Пришло четыре номера, и это было ужаснейшее разочарование для меня: там нечего было читать. Были статьи по темам, которые меня совершенно не интересовали, было огромное письмо Хельмута Шельски своим коллегам-социологам (это было абсолютно эпохальное письмо, я просто ничего не понимал тогда), где он расплевывался с немецкой социологией. Были еще какие-то статьи, которые мне показались совершенно неинтересными. И когда меня мой научный руководитель Давыдов попросил посмотреть, что есть в журнале, я принес это. Он прочитал и открыл веберовский ренессанс. Я просто не понимал, не видел, бродил в поисках золота и отбрасывал никому не нужные камушки.

Длительный, до сих пор не исчерпавший себя толчок в изучение и издание Вебера был венаучным, но важным фактором, который определил ситуацию и в науке, и в моем понимании науки на несколько десятилетий вперед.

КРИЗИСНОЕ И СТАБИЛИЗАЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ В СОЦИОЛОГИИ

Если брать более точно и узко некоторые аспекты вашего вопроса, то тут дело в том, что тот же Давыдов, обосновывая свои подходы, ввел различие кризисного и стабилизационного сознания в социологии.

Если совсем просто, то социология в том позитивистском виде, в котором мы ее знаем (при возникновении у Конта), несет в себе черты стабилизационного сознания: общество некоторым образом устроено и не претерпевает никаких пертурбаций, но надо, чтобы оно было более хорошо и динамично устроено, чтобы в нем снимались напряжения. Это очень хорошо было понятно советским социологам. Я давно сказал, и мне это часто напоминают (хотя я и не отказываюсь сейчас): «Главный советский социолог — это Парсонс». Парсонса у нас узнали в конце 50-х годов, и впереди у советской власти было еще 25–30 совершенно незамутненных лет (в середине 80-х уже начиналось страшное загнивание).

Он дал ту схему, с которой лучше всего работалось советскому социологу. Общество есть (неважно, социалистическое или капиталистическое)? Есть. Система образования в нем есть? Есть. Роли распределяются? Распределяются. Функции у этих ролей есть? Есть. Нужно, чтобы человек социализировался? Нужно. Нужно, чтобы у него была мотивация для того, чтобы правильно и хорошо выполнять свои функции? Конечно же. Куда ни кинь — у нас везде работает Парсонс.

Вторая сторона этой проблемы — это кризисное сознание социолога. Обычно социология процветает и с ней все прекрасно в периоды между мировыми войнами или другими большими войнами. Самое лучшее время социологии было, когда кончилась Франко-прусская война и еще не началась Первая мировая. В это время все расцветало. Потом, когда начинаются революции, кризисы, огромные проблемы, социология должна отреагировать на ситуацию кризиса, и тогда она изменяет самой себе как позитивной науке. Тогда она отдает должное и Марксу, и анархистским авторам, и тем, кто про войны пишет. Она начинает расширяться в их сторону.

Если прямо отвечать на ваш вопрос, то это изменение постановки вопроса за счет невнутринаучных факторов. В какой-то степени я себя чувствую ответственным и виноватым за свои изложения истории социологии, потому что я слишком мало внимания уделял экстранаучным составляющим. Хотя даже когда я писал «Между социологией и социализмом» — это введение к «Общности и обществу» Тенниса — я не придавал достаточно большого значения, не отдавал должного тому, что творилось вообще в социальном мире. Никто, ни один из великих социологов, классиков не был безразличен к актуальным вопросам, которые сегодня могут казаться мелкими. Они, наоборот, понимали себя как людей, которые участвуют в жизни общества, которые отвечают на острейшие проблемы. Первые американские социологи были

детьми священников, пасторов. И пафос весь у них был социальный — социальная помощь. Страна, которая обещала все возможности, в которой должно было быть полное счастье, оказалась местом с огромными социальными проблемами. И они хотели их решать. На пути решения проблем они обратились к науке, однако нужна им была социальная политика. Социальная политика должна быть научной. Чтобы она была научной, нужна специальная наука — вы наилучшим образом поможете страждущим, если будете заниматься социологией.

Если мы посмотрим, с чего начинал Вебер, то у него были сугубо исторические исследования по истории торгового права и т. д. — очень благородные и интересные. Но где его первоначальная научная активность? Это союз социальной политики — Verein für Socialpolitik. Он понимает, что есть куча проблем: миграционный кризис (который поразил Германию в это время), огромные напряжения из-за сложных отношений бюрократии и промышленников, огромные новые напряжения промышленников и рабочего класса. Активные социал-демократы говорят: «Это у нас наука» (марксистский социализм). Им отвечают: «Нет, это у нас наука» (социология). Одна социальная наука была социализмом, а другая социальная наука была социологией. Социология была тем вариантом социальной науки, который позволяет обойтись без революции и без радикальной трансформации.

Если мы на все это посмотрим, то поймем, что возвращение к классикам, модификация или изменение канона — это не просто появление новых акторов (как журналы или ассоциации), но и изменение повестки. И поэтому мы либо находим в классическом и привычном каноне то, что позволяет нам работать с повесткой, либо ничего не находим — и тогда меняем канон. Повестку мы изменить не можем — тут я решителен.

П. К.: И могут ли вернуться экономика и политика в другой повестке? Что с ними стало?

А. Ф.: Сейчас социология испытывает чудовищные атаки, напор со стороны своих старых врагов. Я напоминаю, что становление социологии началось с примечательного эпизода, когда Конт пошел выпрашивать себе кафедру в университете со словами: «Я понимаю, что средства государства ограничены, поэтому надо какую-нибудь другую кафедру убрать и отдать деньги социологии». Кафедра, которую он предлагал закрыть, — кафедра политэкономии. Я понимаю, что это родовая травма. С тех пор экономисты недолюбливают социологов. Шутки шутками, но я недаром начал говорить вам в самом начале о Парсонсе.

Парсонс создавал именно теорию социального действия, но не социологию в узком смысле. Это тонкий момент. Когда Вебер создает науку о действии, он нехотя говорит: «Да, социология — это наука о действии». Если бы он мог лучше себя поставить внутри экономической мысли, то, может, он бы сказал так, как говорил раньше, в начале 1900-х годов: «Социальная наука — это наука о культуре. Есть разные науки о культуре. Экономика — наука о культуре, история — наука о культуре. И социальная наука [он говорит не „социология“, а „социальная наука“] — тоже наука о культуре. Все эти науки о культуре — это науки о действительности». Постепенно у него выкристаллизовывается понимание, что социология внутри этих наук является особым доменом, именно на ней надо себя настоять.

Но если мы берем более широкий круг авторов этого же времени, как нас призывает Андрей Александрович, то все получается именно в эту сторону. Как раз экономисты — это те, кто спорит с Вебером и пытается его опровергнуть, доказать, что есть лучший способ работать с науками о действии. Но они себя мыслят не исключительно как экономисты. Это Мизес, которого мы знаем как теоретика действия. Мизес — это австрийская школа, это либертарианство, экономика. Но главный его труд о праксеологии — это огромная книга, которая называется «Human Action». Она выходит в 1949 году, и Мизес себя все это время упорно считает теоретиком действия. К Мизесу ходит на семинары молодой юрист и философ Альфред Шюц — ныне классик феноменологической социологии. Но то, что он создает еще в то время в Вене, — это некий философский ответ искреннего почитателя Мизеса на его слишком активные наезды на Вебера. Несмотря на всю критику Вебера, которая содержится у Шюца (а он вошел если не в классики, то точно — в канон определенных школ), он защищает Вебера от экономизма.

Если мы посмотрим дальше, то есть знаменитая переписка Шюца и Парсонса конца 30-х годов. Как она возникает? Шюц уже живет в Америке, и его подталкивает к этой переписке и сводит их с Парсонсом Хайек. Хайек, которого мы знаем как экономического мыслителя и политического философа современного либерализма, но на самом деле он — теоретик действия. Хайек работал над теорией действия. Раннее становление Парсонса и поиск его пути связан отчасти со знакомством с Хайеком. Просто Хайек потом пошел по другому пути, он впоследствии решил, что ту же самую проблематику лучше описывать в терминах той теории действия, которая оказывается ближе к экономике. А Парсонс выбирает направление в сторону социологии.

Наконец, жуткая атака когнитивных наук. Мысль о том, что можно получить валидное знание, не обращаясь к устройству мозга, человеческой познавательной способности, к органике — эта мысль им абсолютно противна. На самом деле это не просто ситуация внутри научного спора: у вас свои аргументы, у нас — свои. Ничего подобного — танки идут свиньей, они отгрызают поляну и говорят: «Нет, наши объяснения — лучше. Они более научны, потому что они основаны на понятных материальных вещах, в то время как социологи сами не понимают, чего хотят, и предлагают слабые и недостоверные вещи». В частности, в области культурсоциологии битва происходит очень страшная. Чем это кончится — неизвестно. Поэтому, возможно, канон социологии и уважение (или любовь) к классикам сохраняются, потому что, строго говоря, у социологии больше ничего нет.

П. К.: Спасибо за большой ответ про кризисное и стабилизационное сознание в социологии. Но верно ли, что он работает, только если мы признаем сами рамки наук как автономных сущностей стабильными? Хотя кажется, что в ходе этих изменений внутри наук меняется само определение их границ.

ПРИГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ НАУК

П. К.: И понятны отношения с условными соседями. У социологии ничего, кроме классиков, не остается, выступают когнитивные науки, вскрываются черепа; возвращаются политэкономы — и это все вместе и попеременно.

Но тот же Гофман, который очень любим многими исследовательскими областями (*studies*). Они не идут под общим знаменем социологии, но величают себя социальной наукой или социальными исследованиями. Кажется, что ребята, которые бойко говорят на своем языке, по вашей формулировке, отхватили себе кусок канона, классики и продолжают бойко говорить.

Я смущаюсь продолжать ваши военные метафоры, но все же переберю свое смущение: будет ли интерес к тому, чтобы присоединять эти диаспоры? Раз уж они говорят на том же языке, раз уж стоят за те же принципы, раз уж они и так такие же, как социология, почему бы их не присоединить? Какая политика может быть с ними? Есть ли такая?

Во второй части своего вопроса я поиграю с метафорой социологии как короля Лира (обычно ее применяют к философии). Сейчас как будто королем Лиром выступает социология, которая раздала исследованиям (*studies*) своих классиков. Вопрос к ней (и не только): что

делать в ситуации трансформации самих границ? Но в какой роли здесь оказывается философия? Я поясню вопрос. Когда вы говорите про науки о действии (я помню ваше выступление на «Баннх чтениях» недавно⁴), то они заходит на смежные территории и вопросы будто являются междисциплинарными. Есть предположение, что здесь нам как-то может помогать (или, наоборот, мешать) философия.

А. Ф.: Если начать с военной метафоры, то сейчас невозможно представить себе, чтобы происходило какое-то «присоединение». Для этого нужен ресурс. Какой ресурс? В свой самый счастливый период социология претендовала на то, что она является наукой об Обществе с большой буквы: «Если вы хотите знать самую последнюю правду о том, как все устроено и как все сделать еще лучше, то обращайтесь к социологии!» — этого нет и больше никогда не будет. Она свой кредит доверия растратила. Как большой проект социология закрыта. На том месте, где должна была быть социология, сейчас может находиться кто угодно: политическая философия, комплекс знаний непонятной дисциплинарной принадлежности — точно не будет ничего, на что претендовала когда-то социология в лучшие годы. Последний большой проект такого рода был у Лумана.

Что касается разграничения, оно мне кажется совсем не в интересах социологии. Наоборот, хочешь продолжать жить — постарайся зайти на более успешные территории и скажи: «Не просто городские исследования, но социология города может что-то сделать!» И так до полной неразличимости urban studies и социологии.

Еще я должен сказать, что нельзя отождествлять всю социологию с тем, что творится в верхах МСА (Международной Социологической Ассоциации), но это тоже своего рода показатель. Вот, например, пост президента МСА в 2014–18 гг. занимала Маргарет Абрахам, которая работает внутри большого — даже не скажу, как это назвать точнее, — направления или большой области, которая называется «исследования действия» — action research. Конечно, сердце социолога не может не забиться — начинаешь бросаться туда, смотреть, что они делают. У них там есть и свои журналы, и своя литература, огромное количество всего сделано. Вдруг обнаруживаешь, что под именем исследований действия скрываются абсолютно эклектические исследования, а трактовать название надо осторожно, это не позитивное или позитивистское

⁴<https://www.nlobooks.ru/events/konferentsii/xxviii-bannye-chteniya-transformatsiya-gumanitarnogo-znaniya-v-postsovetskoy-rossii/>.

исследование в традиционном понимании, но «action-oriented research», то есть активное соучастие ученого в самой социальной жизни, а это если и канон, то совсем другой, и многое из того, что здесь делается, нельзя оценить в старых научных терминах. Как можно понять, проделано исследование или нет, если у тебя нет строгих канонов приращения знания? Есть только огромный набор текстов, влияний, в которых сразу обнаруживаешь желание учесть актуальную повестку: чтобы все было правильно, все было на месте, все было модно, чтобы никто не упрекнул в отсталости.

Что касается философии, то это другая большая тема, и она тоже очень большая. Здесь невозможно не вспомнить, что исторически это все выглядело абсолютно ужасно. Конт приходит в социологию из социализма и философии. Напомню о законе трех стадий: религиозную стадию прошли, метафизическую стадию прошли, сейчас наступает стадия социологическая. Перестаем закапываться в глубины, перестаем решать метафизические вопросы — у социологии собственная задача. Это архетипическое событие. С тех пор каждый очередной социолог, пытаясь доказать самостоятельность и достоинство собственной науки, говорит: «Мы отбрасываем философию, мы занимаемся социологией». Все грешат этим.

Я до сих пор помню ужасный для меня разговор со знаменитым американским социологом Джефффри Александером в начале 2000-х. Мне хотелось обсудить с ним философско-методологические (хотя на самом деле теоретико-социологические) вопросы, которые у меня созрели по поводу его работ. Он сказал: «Если я сейчас буду чем-то таким заниматься в Америке, буду писать на такие темы, то мне скажут, что это философия. Социолог должен заниматься социологией».

Социология выгородила себе область занятий, которая с точки зрения всех остальных дисциплин является достаточно безобидной («этим пускай занимаются социологи»): прикладные исследования, к которым добавляется некоторое количество теоретических соображений *ad hoc* (что-то из принятого в настоящий момент, что-то из канона, что-то сварганенное на коленке без малейшего понимания, как работает теория). Но, во всяком случае, никто не скажет, что теории в этом нет, смотрите — вот она есть. Однако главный интерес лежит по ту сторону теории, а значит социальной и политической философии, он лежит в области «настоящего знания». Здесь с социологией никто спорить не будет, здесь она чувствует себя в наибольшей безопасности. Такое поведение оправдано, оно является способом самозащиты, иммунитетом против

теории, потому что теории — это опасно. Когда ты ступаешь на область теорий, то там тебя встречают и экономисты, и политические философы, и многие другие. Не обладая достаточной уверенностью в своих результатах, можно потерпеть поражение. Но отказ от теоретической работы и постановки философских вопросов социологии в перспективе наносит большой ущерб. Она оказывается даже не прикладной дисциплиной, а вспомогательной — помогает людям, которые делают «серьезные дела» и готовы взять себе подручного. И вот этот подручный там бегаёт.

Мой обычный пример: человек, который работает в лаборатории и занимается состоянием окружающей среды. Он каждое утро ходит, берет пробу воды в реке, анализирует. У него есть правила, реактивы, разработаны соответствующие нормативы и т. д. Но его потолок в лучшем случае — это выяснение тенденции: что там творится в реке с этими показателями за много лет. Все, больше он ничего никогда не сделает. Настоящая химия или экология проходит мимо него, потому что он закрыл все свои перспективы. Вот примерно так обстоят дела с социологией повсюду. Кусок хлеба есть — а больше ничего не надо.

ПОЧЕМУ СОЦИОЛОГИЯ — НЕ ТЕОРИЯ ДЕЙСТВИЯ

А. Т.: У меня вопрос, связанный с теорией действия, — короткий, на прояснение и вразумление самого себя. Вы перед этим неоднократно акцентировали, что и Парсонс работает по теории действия, и был большой проект Мизеса — на что он претендует? На универсальную теорию человеческого действия. Отсюда вытекает мой вопрос. Тот же самый Мизес, в конце концов, если я правильно помню текст, говорит, что есть экономическая теория, которую неверно и ограниченно понимают, а в действительности на фундаментальном уровне она ставит вопросы о человеческом действии, его устройстве и т. д.

Мизевское рассуждение покоится на том, что мы занимаемся экономической теорией, но сами не понимаем, чем на самом деле занимаемся. Или другие не понимают до конца.

Мой вопрос тут простой: откуда постоянный (или непостоянный, но заметный у Мизеса) ход к дисциплине и ее переосмыслению в рамках большего? Он начинает с дисциплины, но потом ее переопределяет.

Попросту говоря, почему теория действия не отмежевывается как самостоятельное пространство? «Мы занимались теорией действия, а в результате построили вариант социологии как дисциплины» или «Мы занимались экономикой, но на самом деле теорией действия. Но у нас не теория действия, а история про экспансию экономической

теории». Вопрос наивный, но почему напряжение между дисциплиной, классическим каноном и теорией так выстраивается?

А. Ф.: У меня нет окончательного ответа на этот вопрос, но Мизес в данном случае наименее показателен. У него было упорное стремление строить чистую дисциплину. Я уже сказал, но еще раз подчеркну, что для Вебера это наука о действительности. А для Мизеса — это обширная теория, которую он понимает с упорством истинного австрийца (не прирожденно принадлежащего к австрийской школе, а понимающего ее как чистую теорию).

Но вопрос о теории действия — важный. Парсонс — теория действия, Мюнх — теория действия, Хабермас — теория коммуникативного действия. Есть крупнейший веберовед Вольфганг Шлюхтер — один из главных редакторов полного собрания сочинений Вебера, мы ему обязаны большими результатами в правильной исторической интерпретации Вебера. Как-то он говорил мне в самом начале 90-х годов, что когда он закончит с Вебером, то займется созданием собственной теории действия. Он видел работу над теорией действия в качестве важной жизненной задачи, от которой его временно отвлекает долг издания Вебера.

Это действительно очень важная штука. Отсюда понятно какой вопрос вытекает: зачем вам социология, когда есть теория действия? Или зачем вам утверждать, что теория действия — это именно социология, когда она оказывается более широкой дисциплиной? Я уже умалчиваю о том, что существует обширная англоязычная литература по теории действия, которая социологию демонстративно игнорирует. Философы, принадлежащие к аналитической традиции, вообще любят писать так, будто нет и не было ни феноменологии, ни герменевтики. И социологии для них тоже нет. Но если вернуться к социологии, я сейчас дам моментальный ответ, и, возможно, впоследствии я должен буду взять его назад и жалеть, что его дал. Моментальный ответ такой: выбор невелик. О чем еще могла бы быть социология? Она может быть либо теорией действия, либо теорией общества.

Если это теория общества, то за таким самоназванием стоит определенная интуиция социального, состоящая из больших вещей. Или из одной большой вещи — глобального общества. Глобальное общество понимается как состоящее из меньших обществ. Эта макросоциологическая интуиция, которая берет агрегаты людей и человеческих действий как область своего истинного интереса и занятий.

Если вы занимаетесь теорией действия, то вы на самом деле даете присягу пользоваться микроскопом высокого разрешения. Сколько бы

вы потом ни говорили, что из действий, из результатов действий, из регулярности этих действий вытекают устойчивые социальные феномены — все равно у вас фотография с большой зернистостью. Вы рискуете не заметить большие действия. Ваши усилия тогда будут, как у Вебера, идти на то, чтобы социологически переформулировать высказывания о государстве, об обществе, о церкви, о союзе, о предприятии, об армии, чтобы можно было всем показать с гордостью: «Смотрите, на моем языке можно все это сказать иначе, все получается!» Это трудно, это не всегда продуктивно, но это возможно. Просто мне, как социологу, важно всегда держать в голове увеличительный аппарат. Здесь будут совсем другие стратегии.

Если первая большая книга Парсонса — это «Структура социального действия», то вторая большая книга — «Социальная система», потом — «Система современных обществ». Социология не захотела быть наукой о действии, а захотела сохранить в поле внимания большие вещи, возможность высказываний и теоретических стратегий, которые с ними связаны. В этом качестве она в большей степени и в будущей, и в прошлой перспективе оказывается государственной наукой. Представьте, что вы приходите к чиновнику получать финансирование на ваши исследования, на построения, на идеологические конструкции и т. п. Он из вашей заявки, из ваших текстов видит только что-то распадающееся на мельчайшие события. Он копошится и не понимает, какое это имеет отношение к расходованию денег налогоплательщиков: где крупные блоки, с которыми он имеет дело? Социология, которая отказывается от этого всего, может рисковать.

А. Т.: То есть социология раскачивается между теорией действия и теорией общества?

А. Ф.: Да.

А. Т.: Конституирующий элемент здесь — это отказ от окончательного выбора?

А. Ф.: Я думаю, да. Когда вы становитесь на точку зрения теории действия, вы вступаете в очень опасные споры с экономистами, когнитивистами, психологами — всеми теми, кто прямо работает с анализом действия. Когда вы становитесь на точку зрения теории общества, вы вступаете в столь же опасную конкуренцию с политической философией, историей и любой принятой формой идеологии. Формулировка «раскачивания» мне очень нравится.

РАСПАД КАНОНА И УЧАСТЬ ЛАТУРА

А. Т.: Мой второй вопрос — о природе распада канона: канон оказывается образовательным каноном, перестает держаться научного. Вы сказали об отсутствии больших теоретиков, заслуживающих этого имени без оговорки с датой рождения после 1944 года. Если попытаться перечислить схематично, то как можно обозначить причины? Вы хотели перегнуть в противоположную сторону, указывая на экстранаучные факторы? Если попытаться собрать рассыпанные элементы в связность, то как можно обрисовать здесь ответ?

А. Ф.: Я сторонник экстранаучных факторов. Социология — это наука о действии и об обществе.

Это высказывание — самотематизация общества или самоосмысление общества. Общество внутри самого себя выделяет область высказывания об обществе, что не позволяет нам слишком далеко уходить от экстранаучных факторов. Экстранаучные факторы являются внутриобщественными факторами.

Критическим для социологии оказалось понимание утраченной навсегда позиции привилегированного наблюдателя. Это можно связывать и с научными, и с экстранаучными факторами. Но если для Вебера, даже с огромным трудом, но все-таки еще самоочевидным было утверждение: «Я — ученый. Ученый — это рациональность. С точки зрения рациональности я смотрю на все остальное: сравниваю все остальные действия с рациональными, смотрю на всю эволюцию с точки зрения приближенности ее к рациональному модерну» — то для ученых, которые живут через 100 лет после Вебера, такие позиция, уверенность и интуиция прогрессирующей эволюции в сторону рационального модерна — невозможны. Сейчас ученый говорит: «Я предлагаю всего-навсего одну перспективу, она плохая, несовершенная, ущербная, но дайте мне тоже рядом постоять и высказаться». И то, почему нужно слушать именно его, оказывается огромной проблемой. Эта интуиция связана не с тем, что на ученого кто-то наехал, а с тем, что гордое сознание рационального наблюдателя, который сообщает обществу правильное знание о нем самом, утеряно. В настоящее время кажется, что безвозвратно. Без мощного нового движения, которое бы заново доказывало достоинство этой науки, ей не справиться. А если она продолжает держаться за классический канон, то это средство самосохранения (далеко не худшее), возможно содержащее в себе ресурсы для того, чтобы приняться за дело еще раз.

А. Т.: Тогда, если вспомнить известную хабермасовскую дихотомию, то для социолога и социального теоретика сейчас невозможна позиция ни местоблюстителя, ни интерпретатора...

А. Ф.: Да, именно так.

П. К.: У меня небольшой финализирующий вопрос на наличие понимания хода разговора. Мне понравился вопрос Андрея о том, почему не случилось теории действия как отдельной дисциплины. Интересно подумать, возможны ли иные формы познавательной общности: не наука, а теория. *Studies* существуют как отдельные исследовательские области, а с теориями в социально-гуманитарных науках не пошло пока. Может, пойдет. Было бы интересно представить себе мир автономизирующихся теорий, явно более элитарных, чем сегодня. Интересно подумать про мир наук, где возможно ужаться до теории, а не сохранять свою большую территорию дисциплины.

Я пыталась удерживать в голове Ваш рассказ про кризисное и стабилизационное сознание, одновременно про действия и общество. Так вышло, что они находятся друг напротив друга, и наука позволяет раскачиваться, удерживать, работать с двумя принципиально разными явлениями, хотя и объяснимыми в рамках самой этой науки. Здесь роль канона другая. Здесь канон — местами инструментальная вещь, которая позволяет соотносить масштабы и разные состояния объекта (в стабильности и движении).

И Вы показываете науку как нечто перформативное. Социология — наука о действии — действует. Социология — наука об обществе — отдает обществу общество.

Но эта перформативность будто бы политически противоречит тому, что вы говорите про сохранение. Одновременно с этим социология перформативна: делает ставку и едет дальше. Даже если она везет нас в ад, мы все равно продолжаем ехать, потому что движение неостановимо. Мы не считаем, что оно ведет нас к прогрессу, но мы считаем, что оно неостановимо. Оно сильнее участников движения.

Но у вас другой политический ход в конце про сохранение: нет, мы можем противостоять самому движению. Может, это потенциал философии? Вы делаете ставку на то, чтобы оттягивать движение, не давать ему происходить: «Нет, давайте мы вернемся».

Это будто двойственная роль канона: с одной стороны, перформативная для реализации потенциала дисциплины; с другой стороны, это попытка остановиться, замедлиться, сохранить. Что Вы думаете об этом противоречии роли канона в социологии?

А. Ф.: Вы все правильно зафиксировали. Я ничего особенного не думаю. Я считаю, что если отказываться от того, от чего я считаю неправильным отказываться, то мы просто перестаем быть самими собой — теряем свою идентичность. У науки всегда есть какое-то продвижение. Это продвижение предполагает, что нечто сбрасывается с пьедестала, с повозки, и тогда она несется вперед.

Для меня Латур — такой человек. Он лучше всех понимает устройство аргумента классической социологии. Он делает то, что делает, с абсолютно открытыми глазами. Когда он объясняет, как мыслит Дюркгейм, — это лучшие толкования, которые я встречаю. Он это делает только для того, чтобы от всего этого отказаться. Он преодолевает социологию и получает на этом деле все: успех, дивиденды, уважение публики и т. п. Дальше возникает вопрос: можно ли с этим работать? Насколько является воспроизводимой построенная таким образом концепция? Здесь возможны две опции: (1) продолжать держаться классического канона и считать, что он не исчерпан в основных параметрах и моментах (мне лично это ближе); (2) наоборот, сохранить имя социологии, сохранить воспоминание об отдельных успехах, сохранить знание о том, что критиковать и от какого наследства отказываться, но идти по пути, названным когда-то социологией «порочным» и «неправильным».

Политическая философия со временем приводит к появлению социологии. Латур все правильно делает, когда говорит, что мы будем заключать теперь новый договор — не общественный, а с Землей. Это замечательно. Ясно, что это идет вопреки всей традиции общественного договора. И мы выкидываем вместе с ним всю традицию, которая привела от Гоббса через Локка, Руссо и Сийеса к известной нам социологии. Ясно, что при этом мы получаем мощный толчок. У нас есть точка опоры, мы стартовали с нее, сбросили все лишнее с корабля современности — рванулись вверх.

Но появилась ли там новая наука с собственной динамикой? Живет ли она чем-то другим, кроме отталкивания устаревшей классики? Это большой вопрос. У меня это вызывает массу сомнений. А дальше посмотрим. Это максимум, что я могу сейчас сказать.

П. К.: Но Вы же тоже делаете, как Латур. Вы вроде бы говорите про консервативную линию, про сохранение, но Вы же тоже в своем социологическом действии делаете, как Латур.

А. Ф.: Я? А что я делаю? Я, наоборот, вставляю всюду классиков и возвращаюсь в политическую философию. Я как раз говорю, что мы должны включить непрясленные истоки социологии внутрь теории.

Где я делаю так? Я не против, и для меня это лестно. Но я не уверен, что в данном случае это релевантно.

П. К.: Как же! Вы работаете над тем, что может быть включено в социологию, обращаясь к границе с политической философией. Латур убирает здесь слово «теория», он работает, называя это непосредственно наукой. Латур местами в этом нарочито и специально неточен (это часть его хода), берет широкими мазками. А Вы историчны, точны. Но это все равно проекты возвращения к политико-философским основаниям и их пересмотр.

А. Ф.: Да, тогда хорошо. Я согласен. Но я не вижу другого способа. Чем больше я изучаю историю политической философии, тем больше я вижу продолжений политико-философского дискурса или постановки вопроса другими средствами в теоретической социологии. Она мне открывается как часть непрерывного движения, а не как она сама себя представляла (как появление новой науки).

Необходимость рыться в условиях и состояниях знания, когда все только происходило, приводит к лучшему пониманию устройства классических канонических текстов. Замечание верное, но у меня нет ничего другого в ответ, кроме объяснения, почему меня все это влечет. Потому что я нахожу там все свое.

Kolozaridi, P.V., and A. A. Teslya. 2022. “‘Kak bol’shoi proyekt sotsiologiya zakryta’ [‘Sociology as a Major Project Was Shut Down’]: beseda s Aleksandrom Filippovym o kanone v sotsiologii [A Conversation With Alexander Filippov About the Canon in Sociology]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 6 (2), 17–38.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY

SENIOR RESEARCH FELLOW, SCIENTIFIC DIRECTOR RESEARCH CENTER FOR RUSSIAN THOUGHT
INSTITUTE FOR HUMANITIES, IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY (KALININGRAD, RUSSIA);
ORCID: 0000-0003-2437-5002

POLINA KOLOZARIDI

RESEARCHER AND ASSISTANT PROFESSOR

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA)
COORDINATOR OF THE CLUB FOR THE INTERNET AND SOCIETY ENTHUSIASTS;
ORCID: 0000-0001-5213-0235

“SOCIOLOGY AS A MAJOR PROJECT WAS SHUT DOWN”

A CONVERSATION WITH ALEXANDER FILIPPOV
ABOUT THE CANON IN SOCIOLOGY

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-17-38.